

В ПОСЛЕДНЕЕ время выходит довольно много книг, описывающих автобиографию, жизнь родителей, дедушек-бабушек... Но в книге «БАТАШ» Вы исследуете свою генеалогию до XIV века, а потом в поисках происхождения слова «Баташ» спускаетесь в неизмеримые тысячелетия до нашей эры. Уникальный опыт. Зачем он вам понадобился?

— Это началось не сразу. Сперва я занялся историей наиболее известных Баташёвых, — тех, которые вошли в русскую художественную литературу и в документальную прозу — промышленники, оружейники, металлурги, начиная с XVIII в. Материал я собирал в отечественных архивах, но ездил и за границу — по следам эмиграции. Интересные факты нашел в Австрии, точнее, в Штирии, в одном из замков, которым сейчас владеют потомки Баташёвых. Они его не получили по наследству, а заработали своим трудом — были фермерами. Замок поражает не только красотой, но и древностью — он всего на три года младше Москвы.

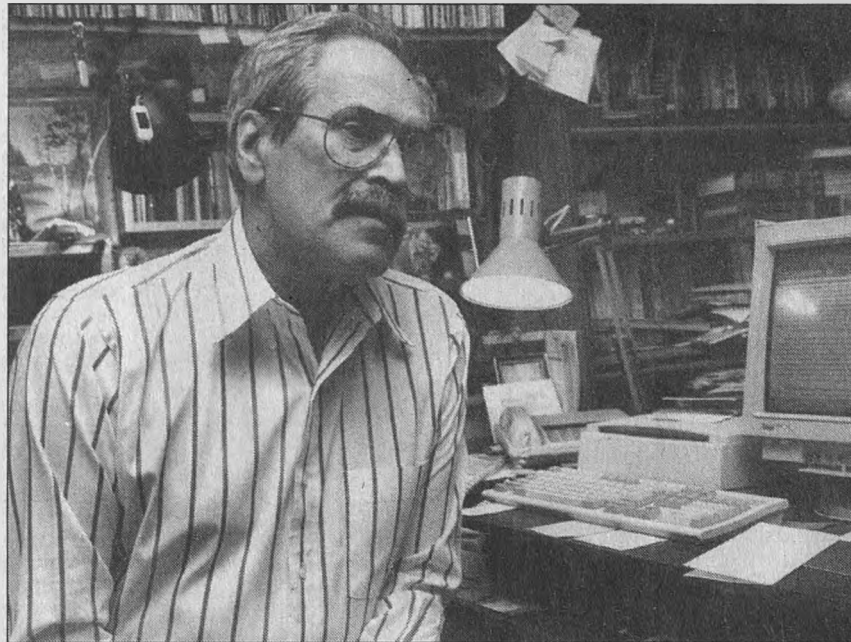
Потом мне стало интересно, — а как обстоит дело с моими собственными предками? Многое нашлось в архивах Екатеринбурга, Перми, Калуги, Нижнего Новгорода, Тулы, Рязани... Это крестьянская генеалогия, в нашей исторической практике используемая редко. Все-таки при слове «генеалогия» обычно вспоминаются гербы, монаршие связи, в крайнем случае — мorganатическое. Все такое яркое, поблескивающее золотом.

Здесь мне пришлось идти по другим тропам. В крестьянском обиходе фамилии возникли относительно поздно. Приходилось искать связи между упоминаемыми в документах кличками и через столетия открывшимися фамилиями. Именно открывшимися: по моему, в течение нескольких поколений люди жили с фамилиями, которые просто не записывались. Открывались эти фамилии одновременно в разных регионах

СВИНГ, САМОВАРЫ И ПЛЕМЕНА

Джазовый критик Алексей Баташёв возводит свой род к неолиту и Шумеру

Как раз к началу книжной ярмарки выходит книга исследователя и знатока джаза Алексея Баташева «БАТАШ. Большой евразийский роман». Отрывок из нее наша газета печатала пару лет назад. Теперь, наконец, вышла книга, впечатляющая и размерами, и графикой: том заключен в коробку, на которой нарисован герб с двумя единорогами и рыцарскими латами. Эта книга — своего рода эссе-расследование, где автор описывает... Впрочем, пусть автор рассказывает сам.

Вот он, потомок шумеров.
Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

России: например, крестьяне переселялись, фамилии сохранялись, но фиксировались уже на новом месте.

— В каком веке возникла именно фамилия Баташёвых?

— Думаю, во времена царя Алексея Михайловича. Ряд документов и некоторые предположения заставляют думать, что начало Баташёвым положили обрусевшие потомки карачаевских князей, которые стали русскими дворянами, породнились с княжескими родами, в том числе с Рюриковичами — через брачные узы, через усыновление-удочерение.

Иван Грозный нанес этому семейству очень большой урон. Некоторые из них потом жили как помещики-однодворцы, потом стали просто свободными людьми, потом государственными крестьянами, а потом и крепостными. Некоторые из них впоследствии стали купцами, а потом за большие заслуги им возвратили гербы и дворянские звания. Но были и другие, оставшиеся в мешанском, купеческом, а то и в крестьянском сословии.

— Откуда взят герб, помещенный на коробке вашей книги?

— Из книги дворянских родов Российской Империи, изданной при Павле I, в 1792 году. Это пятый том, где записаны старые, древние роды.

гого не знаем. Мы прекрасно знаем тульские самовары. О них издана масса альбомов. Но о тульских самовароделателях и самоваропромышленниках неизвестно почти ничего. Нет их фотографий, нет их историй. Выяснилось, что было около 15 самоварных фабрик, которые делали баташёвские самовары. Их владельцы были дворянами Баташёвыми, мешанами Баташёвыми, купцами Баташёвыми и вообще не Баташёвыми, которые просто купили эту фамилию как торговую марку. Открываются замечательные фигуры: например, Александр Степанович Баташёв, который параллельно с изготовлением самоваров стал одним из основателей домашнего птицеводства в России — не стихийного, оно-то, понятно, всегда было, а научного. Он жил на самоварные деньги, но основную часть прибылей раздавал на благотворительность. Построил в Туле много домов. Был старообрядцем и почетным гражданином Тулы, имел награды от августейшей фамилии, от турецкого султана, от эмира Бухары. Споспобствовал основанию Московского Зоопарка. А в повести Вересаева «Александр Степанович» он высмеян! Мельников-Печерский в своих романах «На горах» и «В лесах» представил семейство Баташёвых в виде деспотических тиранов. А это не так!

Но вообще, конечно, не все восстановимо по документам. Кое-что осталось в виде семейных, родовых или племенных преданий.

— Племенных?!

— Мне много рассказывали в Карачаево-Черкесской Республике о моих предках. Баташевы — один из начальных кланов Карачая. Но мне кажется, что корни имени «Баташ», «Боташ» нужно

искать в семитских языках, — иврите или арабском — или вообще в шумерском. Много веков назад это имя было на Кавказе, у аланов и болгар. Есть аналогичная фамилия и у современных болгар — Ботушевы. Но и в России эта фамилия пишется по-разному. В Туле укоренилось написание «Баташев», потом смягчилось в «Баташёв». На Урале говорят «Боташев». У моего отца была такая фамилия, у моего брата. А когда семья переехала в Москву, нас все, не сговариваясь, стали звать Баташевы. Такие законы языка.

И вот к какому выводу меня подвел материал. Мы являемся детьми одной большой человеческой семьи, которая старается ставить внутри себя разные перегородки и границы, что приводит к озлоблению и войнам. Понять это не так уж сложно — сложнее глубоко прочувствовать и с этим жить, чтобы это стало частью мировосприятия.

— А все-таки — почему это роман?

— Я попытался приблизить исторические факты к восприятию современного читателя: пользовался разными стилистическими, речевыми характеристиками персонажей. И еще я пытался передать текстом ощущение того, что у каждого человека есть родовая память. Для этого я использовал тот же прием, что и композитор при написании большого сочинения: мотивные связи. Каждый эпизод обладает своим лейтмотивом, который потом повторяется в других обстоятельствах, но тематически отсылает нас к прежнему восприятию.

— Вы известны большинству слушателей как джазовый критик, историк джаза. Как для вас связана история и джаз?

— Я написал первую монографию об истории джаза в России. Там у меня использовано около 400 источников. Я прочитал огромное количество периодики. Записал сотни интервью — и как журналист, и специально для книги. Практически такой же метод я использовал при написании книги. Он мне кажется единственно приемлемым. ■